

Шэнь Аньгэ стояла в своём внутреннем дворике и сделала глубокий вдох. Листья бамбука тихо шелестели под лёгким ветерком. Впервые она почувствовала, что перерождение наполнено глубоким смыслом: она смогла расторгнуть помолвку с Чжоу Цзином, а значит, в будущем сумеет изменить и судьбу всей семьи Шэнь.

При этой мысли она невольно улыбнулась, и улыбка её дошла до самых глаз.

Юнь Чжи, наблюдавшая за ней, была поражена: барышня улыбается, даже лишившись столь выгодной партии? Неужели она ошиблась, и чувства барышни к молодому господину из дома Чжоу были не тем, чем казались? Или, быть может, у неё на примете есть кто-то другой?

Юнь Чжи принесла чашу с отваром. Шэнь Аньгэ, стоя у стола, решительно взяла чашу и одним махом осушила её до дна. Юнь Чжи так изумилась, что замерла, держа в руках тарелочку с медовым печеньем.

— Барышня, вы... вы вот так просто это выпили? — не удержалась от вопроса Юнь Чжи.

Шэнь Аньгэ посмотрела на неё с недоумением:

— Да, а что такого?

— Барышня, раньше вы и капли горечи терпеть не могли, вот я и принесла вам медовое печенье, чтобы заесть вкус.

Она действительно терпеть не могла горькое, но сегодня была так счастлива, что совсем забыла об этом. Теперь же, когда вкус лекарства напомнил о себе, во рту стало невыносимо горько.

Шэнь Аньгэ нахмурилась, поспешно схватила маленькую ложечку, зачерпнула печенье и отправила в рот.

Юнь Чжи рассмеялась:

— Я же говорила! Как вы могли проглотить такую горечь?

Шэнь Аньгэ, пребывая в отличном расположении духа, села в саду с книгой и тихонько напевала себе под нос.

— Слышал, сестрица, ты сегодня отказала дому Чжоу?

Шэнь Бай пересёк галерею и через пару мгновений уже был рядом. Он жестом велел Юнь Чжи

налить ему чаю, а сам уселся, закинув ногу на ногу.

Шэнь Аньгэ даже не подняла глаз от книги и оставила его вопрос без ответа, вместо этого решив перевести тему на предстоящие экзамены.

— Брат, говорят, на этих экзаменах ты имеешь все шансы занять первое место? Буду ждать от тебя добрых вестей.

Услышав это, Шэнь Бай почесал затылок:

— Раз уж ты хочешь, чтобы я стал первым, значит, приложу все усилия, чтобы оправдать твои ожидания.

Вдруг он словно о чём-то вспомнил, перехватил её руку, мешая читать, и с грохотом опустил книгу на стол:

— Кто тебя об этом спрашивал? Я спрашиваю, почему ты отказала Чжоу?

Не имея возможности читать, она взяла ложечку и принялась за печенье, небрежно ответив:

— Просто отказала. Разве для этого нужна какая-то особая причина?

— Но ты ведь раньше так любила Чжоу Цзина!

— Брат, мои чувства к господину Цзину такие же, как к тебе. Ничего большего.

Юнь Чжи поставила чашку перед Шэнь Баем и отступила за спину госпожи.

— Неужели у тебя появился кто-то другой?

При этих словах Шэнь Аньгэ заметно вздрогнула, а в памяти внезапно всплыло одно до боли красивое лицо.

В прошлой жизни император скоропостижно скончался, наследный принц погиб, а Гу Цин, человек с тёмным прошлым, стал всемогущим регентом. Он возвёл на престол десятилетнего мальчишку, сделав его марионеточным императором.

Это было смешно — что мог понимать десятилетний ребёнок? Обычная кукла. Регент вёл себя вызывающе: во время аудиенций, пока юный император сидел на троне, Гу Цин с полным правом располагался в кресле рядом, застеленном густым мехом.

Поначалу находились смельчаки, упрекавшие его в распущенности и нарушении дворцового этикета. Одним из них был чиновник из Далисы господин Сунь. В тот же день ему вырвали язык и заставили проглотить собственные выбитые зубы. Конечно, такие методы не могли усмирить всех.

Спустя несколько дней в тронном зале развесили новые фонари. Гу Цин, сидя на своём месте, небрежно бросил:

— Господа, как вам эти фонари?

Те, кто уже видел его жестокость, поспешно закивали: Красиво, очень красиво.

Но один из военачальников, чья гордыня не знала границ, холодно фыркнул.

— О... — регент протянул это восклицание, а затем без тени эмоций добавил: — Похоже, кожа господина Суня была ничуть не хуже.

С тех пор никто не смел перечить ему в лицо. В городе Чанъюань ходило множество легенд, и чиновники запрещали своим дочерям выходить из дома, опасаясь, что регент положит на них глаз. Мало кто знал, что внешность Гу Цина, столь же опасная, сколь и прекрасная, была известна по всей Южной династии.

Если бы Гу Цин был обычным человеком, она, возможно, могла бы его полюбить. Но это было невозможно. Гу Цин — безумец, невероятно опасный человек. Она никогда не выбрала бы такого в мужа.

От этих мыслей у неё похолодело затылке. Когда он узнал о существовании Чжоу Цина, то пришёл в ярость. Она помнила, как он касался её шеи, и холод его пальцев, казалось, проникал до самых костей — будто он был готов в любую секунду сломать ей позвонки.

Он был странным человеком. В дождливые дни он словно терял рассудок, в нём боролись сдержанность и необузданная страсть. Он любил прижимать её к кушетке и кусать за шею до крови, словно не мог остановиться, пока не увидит красные капли. А потом сам же слизывал кровь и накладывал мазь, которая действовала так быстро, что через пару дней от укусов не оставалось и следа.

Ходили слухи, что ни одна женщина, попавшая в его поместье, не доживала до следующего утра. Лишь она одна осталась в живых — возможно, потому, что слишком усердно исполняла роль аптечного раба, и он привык к ней.

Каждый раз, когда ей казалось, что она не выживет после его экспериментов с лекарствами, он спасал её, сухо бросая: Не умрёшь.

Если вдуматься, после смерти родителей она прожила в поместье регента довольно спокойные дни, и он был к ней неплох. Взять хотя бы это медовое печенье — он неясно где разузнал, что она любит сладости, и присылал их каждый день. А зимой, когда во всём городе не найти было серебряного угля, в её покоях он горел постоянно.

Шэнь Бай помахал рукой перед её лицом:

— О чём задумалась?

Шэнь Аньгэ очнулась:

— Ни о чём. Брат, не беспокойся обо мне. У меня нет никого на примете, и замуж я не хочу. Хочу остаться рядом с отцом и матерью, дожидаться, пока ты женишься и у тебя появятся дети.

Шэнь Бай рассмеялся:

— И станешь монахиней, так, что ли?

Даже Юнь Чжи не сдержала улыбки.

— Ну вот, я пожалуюсь отцу, что ты меня дразнишь!

Подумав немного, она подняла голову и ответила брату:

— Я, Шэнь Аньгэ, монахиней точно не стану. А если и выйду замуж, то только за исключительного человека, чтобы стать хозяйкой в доме. А если такого не встречу — предпочту остаться незамужней.

Шэнь Бай с любовью посмотрел на сестру:

— Моя сестрица, конечно же, найдёт достойного супруга, который будет беречь тебя ещё больше, чем я.

Они продолжали шутливо перебраниваться, и на душе у Шэнь Аньгэ было светло: её брат всё ещё жив, полон сил и стоит прямо перед ней.

Шэнь Аньгэ не знала, что её слова станут пророческими: она не только выйдет замуж за единственного в своём роде мужчину, но этот мужчина станет императором, стоящим выше всех. И она, кажется, забыла, что их первая встреча с тем, кого она называла безумцем, произошла вовсе не в поместье регента.

Когда Шэнь Бай ушёл, она, радуясь тому, что вопрос с помолвкой решён, распорядилась:

— Юнь Чжи, завтра отправимся в храм Цзинань, вознесём молитвы.

Спасибо небесам, спасибо бодхисаттвам, спасибо богам за то, что подарили ей шанс начать всё сначала.

<http://bllate.org/book/18485/1773592>